

Валерий Бронников

Беспощадные жернова

18+

Валерий Бронников
Беспощадные жернова

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бронников В. В.

Беспощадные жернова / В. В. Бронников — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Повесть охватывает период капиталистических реформ, уничтожающих то, что было создано предыдущими поколениями советских людей. Повесть написана на основе реальных событий. Все герои вымышлены, совпадение может быть только случайным.

Содержание

Беспощадные жернова	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Капитализм – самое отвратительное устройство общества. При нём самые отвратительные качества человека делают его внешне успешным. В СССР торгошней не брали ни в разведку, ни в КГБ, потому что у торгошней нет Родины, у них Родина там, где прибыль.

Михаил Задорнов

Валерий Бронников родился 1 апреля 1949 года в с. Заяцкий Мыс на южном берегу Белого моря. По образованию инженер-механик по самолётам и двигателям, работает по профессии более 50 лет и по настоящее время. Автор многих произведений прозы и стихов, а также детской литературы. Член творческого объединения «Вашка».

Беспощадные жернова

– Видать, кому-то так было очень нужно, чтобы всё быстро уничтожить под руководством иностранных советников. Распад СССР тоже оказался не случайным. Ситуация назрела, необходимым стал только толчок, а этим толчком оказалось бездарное правление ведущей партии в создавшейся сложной ситуации. Замысленный, неповоротливый, забюрократизированный механизм стал недееспособным, а фактически всё оказалось отдано в руки одному человеку, Анатолию Чубайсу. Под руководством американских советников он превратил нашу стройную экономику в хаос и привёл к распаду и уничтожению большинства предприятий. Создать он ничего не создал, кроме механизма грабительской приватизации. Мошенники и люди, имеющие в запасе какой-никакой капитал, пока простые люди разбирались, что к чему, успели за бесценок приобрести крупные предприятия, увеличив тем самым в десятки и сотни раз свои капиталы, – говоривший замолчал, а потом продолжил:

– Да и последователи оказались не лучше. Егор Гайдар, например, кроме того, что взял вместо одного подоходного налога два, в экономике больше никак не преуспел, а лечить «шоковой терапией» решил не себя, а общество, которое в отличие от него совсем ничем не болело.

Седеющий бригадир Александр Греков, выполняющий техническое обслуживание самолётов, занимал далеко не последнее место в своей службе. Сейчас он просто сидел в курилке, ничего не делая, как, впрочем, и все остальные техники, собравшиеся от безделья в курилку. Александр положил свои рабочие руки на стол. Загрубевшая в ссадинах кожа выглядела совсем чёрной от въевшегося мазута. Бригадир не курил, поэтому он просто сидел за столом с остальным коллективом. А многие техники интенсивно курили, не спрашивая разрешения у коллег, отчего в помещении витал сизый дым, отравляя, как самих курильщиков, так и всех окружающих их людей. Сажа от постоянно витающего дыма оседала на всё, что имелось в технической комнате, отчего в помещении преобладал серый цвет. На это абсолютно никто не обращал внимание. Некурящие техники привыкли к тому, что их постоянно окуривают, дышали этим же дымом. Переполненная окурками специфическая авиационная пепельница всегда находилась на рабочем столе на самом видном месте.

Работа имелась, но выполнять её никак и никому не хотелось. Заработная плата стала не заработной платой, а какой-то составной частью непонятного механизма, работающего на то, чтобы людям ничего не платить. Заработанные деньги исправно начислялись в ведомость на зарплату, но на этом всё и заканчивалось. Скучный доход предприятия почти весь уходил на уплату налогов, которые росли, как снежный ком. Часть денег перепадала руководителю и главному бухгалтеру. Для остальных работников денег в кассе не оставалось.

Мало того, растущая на глазах инфляция съедала копившиеся деньги, причитающиеся к выплате. Этот грабительский механизм никто не мог остановить и не мог на него никак повлиять.

Руководитель предприятия с началом развала экономики уволился, собрал вещи и уехал, а возглавивший предприятие после него Хусаин Джанибеков, действуя строго по новым инструкциям, работникам заработную плату не платил совсем, стараясь выплачивать превысившие все мыслимые нормы налоги, которые на один заработанный рубль начислялись в размере более ста процентов.

Вот люди и сидели. А кто будет работать бесплатно? Коммунизм, который обещали, так и не наступил, а то общество, в котором сейчас люди жили, больше походило на зарождающийся абсурдный капитализм, чем на коммунизм. Но и это оказалось не общество, а та надуманная субстанция, которую создали новые бездарные правители под руководством импортных консультантов, да вылезшие невзвесть откуда различные проходимцы, пройдохи, спекулянты, назы-

вавшие себя новыми русскими. На местах в руководящие органы пролезли бандиты и всякие бездарные людские отходы, ждавшие в тени своего часа и теперь воспользовавшиеся стремительным появлением вакантных должностей на руководящих постах.

«А какой же нормальный человек будет работать на налоги, не получая заработную плату?» – так думал Александр, так думали и его коллеги.

На самом деле всё российское общество жило и работало по старым законам, по тем законам, по которым привыкло жить, а всё, что лезло новое, никак не вписывалось в привычный уклад жизни, тормозило, запутывало, обезличивало и, в конечном итоге, обворовывало.

– Нам хоть бы аванс выдали, но не дают вообще ничего, уже полгода, – тихо подтвердил худощавый рядовой инженер-контролёр Юрий Семёнов, который хотел работать, но не работал по той причине, что готовая продукция в виде отремонтированных самолётов сейчас отсутствовала, – Детей кормить не на что и нечем. Пятый месяц приходим домой после полочки с пустыми карманами!

Детей у Юрия ещё не было. Он пришёл на предприятие не так давно после окончания института, пришёл подготовленным грамотным специалистом, готовым на трудовые подвиги, а про детей он сказал просто так, к слову, подразумевая, что дети имелись у многих специалистов. Он, как и все, хотел за свой труд получать честно заработанные рубли, но их-то как раз и не было!

Хусаин Джанибеков взялся руководить только по той причине, что ему необходим трамплин для ухода на большую технику и для карьерного роста. Он и сам понимал, что сделать ничего не может против той машины, которая запущена на уничтожение предприятия. Физически предприятие никто не уничтожал, а, наоборот, новые директивы предоставляли исключительные права руководителю по повышению заработной платы, по уменьшению ограничительных рамок.

Новая реальность подразумевала, что люди, поставленные в новые условия хозяйствования, сами себя съедят и уничтожат, но это подразумевалось только мысленно, а вслух высказывалось редко. Предприятие считалось планово-убыточным и работало за счёт своего существования в огромной единой отрасли, называемой «Аэрофлот», который стал на глазах таять и превращаться в отдельные мизерные хозяйства, стремящиеся отделиться и получать свои доходы, не делясь ни с кем – это стало похоже на сказку про веник, который распался на отдельные слабые прутики. А прутики, как известно, сломать очень легко и без приложения каких-либо усилий.

– Работать не будем, пока нам не выдадут аванс! – заявил Александр Греков своему руководителю, начальнику авиационно-технической базы Чехину, который только что получил «наверху» головомойку и пришёл к техникам восстанавливать рабочий процесс.

– Это, Саша, саботаж! Пришёл на работу, надо работать! – сказал Чехин.

– Я заключил с предприятием договор, по которому мне причитается за выполненную работу заработная плата, а я её в руках не держал почти полгода! Вы же знаете, что мы работали хорошо и качественно, когда нам платили, а сейчас Вы деньги не платите, значит, мы не будем работать!

– Ты за всех не говори, а только сам за себя. Не будешь работать – пиши заявление об уходе по собственному желанию.

– Чтобы меня уволить, необходимо прежде всего выплатить заработную плату.

– Я её не выдаю, есть руководство.

– Вот и я о том же: все кивают друг на друга, а денег нет. У нас семьи голодные, дети. Жёны так и говорят: «В кровать ко мне не ложись пока не принесёшь заработную плату! Я супружеские обязанности бесплатно выполнять не нанималась!» Мы разве должны бесплатно работать? Работать не будем, пока не начнёте выдавать деньги!

– Не будете работать, скоро не на чем будет летать, тогда никаких денег не будет совсем.

– А их и сейчас нет! Самолёты летают, зарабатывают, а деньги уходят в неизвестном направлении. Точнее, направление известно: кормятся за наш счёт главный бухгалтер и руководитель.

– Ты же видишь, что творится в стране!

– Разве я создал этот хаос? За страну мы не в ответе. Есть руководитель, пусть руководит, как положено, или освобождает кресло.

– Не я решаю эти вопросы.

– Тогда и разговаривать больше не о чем. Мы хотим работать и зарабатывать. Капитализм мы не заказывали. Если он кому-то нужен, пусть они выращивают его на свои деньги, а не на наши!

– Сейчас ты занимаешься призывом к саботажу и неподчинению – это уголовно-наказуемое деяние.

– Я своё мнение могу сказать кому угодно и не надо меня обвинять во всех грехах, которые я не совершал. Рыльце в пушку не у меня, а у тех, кто строит на наших костях капитализм!

– Ладно, не будем обсуждать эту большую тему, – сдался Чехин, – Я схожу ещё раз в контору и попрошу выдать аванс.

– Это другое дело: как только получим деньги, мы приступим к работе! – сказал Юрий Семёнов.

Денег никто не дал. Чехин принёс совсем другую новость: Хусаин Джанибеков намерен уволиться и уехать.

– А кто вместо него? – почти в один голос спросили подчинённые.

– По слухам Гермак Василий Геннадьевич.

– Ну, этот наруководит! – воскликнул Александр Греков, – Он в начальники рвался с тех пор, как начал работать, но умные люди старались его притормаживать, чтобы не наломал дров, а теперь он остался, видать, без вожжей. Все тормоза исчезли, поскольку пилоты, которые его придерживали, бегут, кто куда может. Теперь держитесь! Не видать нам своей заработной платы!

– Может, всё образуется, – несмело возразил техник Иванов по прозвищу «Дутик».

– Что образуется? Если ему не позволяли быть начальником, значит, он им быть и не должен, а теперь он остался без тормозов, образования высшего не имеет, руководитель никакой. Что тут может образоваться? – и Александр сам ответил:

– Образуется в руководстве нами дыра. Теперь мы денег не увидим точно. Оттого, что руководящее кресло не будет пустым, деньги не появятся. Он пилот неплохой, но руководить его не пускали и должность выше, чем командир звена не давали, ни по партийной линии, ни по человеческой. А теперь, когда кресло освободилось, препятствий для него никаких нет.

Дутик сказал:

– А мне всё равно, кто будет руководить, лишь бы платили вовремя зарплату!

– Тебе конечно всё равно, – ответил ему чернявый худощавый техник Малетин, – Ляжешь под хвост самолёта, пивнёшь из-за пазухи и отдыхаешь там целую смену, делая вид, что занимаешься колесом. Красота, а не работа!

– Ладно, мужики, вы не цапайтесь. Я думаю, что пока деньги не дадут, работать не будем ни под хвостом, ни на хвосте. Начнём работать, тогда никаких денег точно не увидим. Профсоюз на нашей стороне, в обиду не даст. С работы мы не уходим и приходим на неё вовремя, уволить нас не могут. Так и передай это, господин Чехин, новому руководству. Извини, что я тебя обозвал господином, но говорят, что теперь товарищей нет, все стали нищими господами. Комсомольцев и коммунистов тоже упразднили одним махом, – Александр Греков глубоко вздохнул, затягивая в свои лёгкие клубы сизого дыма, висящего в технической комнате.

К дыму от папирос, который на перекуре заполнял всю комнату, он привык, как и некоторые другие некурящие техники – на это никто никогда не обращал внимания.

– Не по душе мне эта перестройка, – сказал Чехин, – Но я повлиять никак на ситуацию не могу, и вы тоже. Вся эта гадость идёт сверху, на основании новых издаваемых законов, против которых мы бессильны. Николаевич, – обратился он к пожилому технику, – Ты чего сегодня дремлешь, жена не давала спать?

Техник приоткрыл глаза, окинул сидящих мутным взглядом, остановив его на бригадире:

– Я забыл уже, как жена выглядит. Без денег домой можно вообще не приходить, вот я и дремлю. А где же ещё поспать, как не на работе? – возмущённо и в то же время шутливо спросил он.

– Ты, пожалуй, прав, – сказал бригадир, – Наступили времена, когда на работе других дел нет. У нас пока ещё хорошо, можно спать на работе, а по телевизору говорят, что с предприятий увольняют рабочих сотнями и тысячами, им на работе уже не поспать!

– Подожди, ещё не вечер, – сказал Дутик, – Скоро и у нас работы не станет. Новое руководство оставит нас вообще безо всего.

– Ладно, я пойду получать руководящие указания, – промолвил начальник АТБ, не склонный обсуждать начальство и вышестоящие структуры, – А вам советую всё же работать, иначе денег у предприятия не будет совсем.

– Мы их всё равно не видим, пусть их лучше не будет совсем, – сказал ему вслед Малетин.

На самом деле никто, ни руководитель, ни подчинённые, не знали, куда направляется осколок некогда большой страны, называемой Советским Союзом. До окраин доносились отголоски того, что происходило в центре, в столице. Генеральное направление на капитализм со старыми законами, инструкциями, приказами и указаниями никак не стыковалось и не вносило никакой ясности в происходящий хаос реформ. Границы уничтожены, армия осталась без средств к существованию. Образование и здравоохранение в точно такой же ситуации; да ещё развязанная война в Чечне, куда, как в мясорубку, отправляли воевать детей, которые вообще не понимали, что происходит. Они-то наивные думали, что раз у родителей здесь всё плохо, значит, они, уехав туда, сделают хорошо и что-то исправят. Но, к сожалению, многие не доезжали, попав под обстрел ещё по дороге к своему новому месту жительства и месту службы.

Младшие дети, школьники и дошкольники, видя, как рушатся предприятия, тоже старались всё крушить и рушить: заборы, сараи, брошенные склады. Они оказались предоставлены сами себе, пока родители разбирались в происходящем хаосе реформ. А ещё новый лозунг «Всё разрешено, что не запрещено!» подливал масла в огонь – это разрешение больше напоминало снятие рамок на ограничения и запреты по разгулу различных безобразий – дети так это и понимали. Они у грамотных родителей оказывались политически грамотными и подкованными, смотрели телевизор и слушали, что говорят взрослые. А взрослые вечерами, собиравшись на маленькое застолье, говорили много и много обсуждали новые веяния, до конца не понимая, что происходит.

Чехин и другие здравомыслящие специалисты видели, куда катится вся экономика, но ничего поделать не могли. Новые веяния действовали, как нектар, на шайки воров, проходимцев, разбойников, тунеядцев и лентяев, бездельников. Появилось огромное число потомков «Шариковых», вдруг вышедших из тени и оказавшихся на переднем крае разрушительных реформ, пожиривших своим руководящим авторитетом всё, что до этого было создано человечеством.

Василий Геннадьевич Гермак прочно занял руководящее кресло, убегающее от него раньше, как чёрт от ладана. Сейчас никто ему не мешал, никто не ограничивал, не нажимал. Сверху действовало только одно главное указание: платить вовремя налоги. Всё остальное: заработная плата, методы руководства, полёты и многое другое находилось в руках руководителя со снятыми рамками ограничений. Этим он и воспользовался, заручившись для себя единственным правилом: себе побольше, другим поменьше.

Василий Геннадьевич восседал в руководящем кресле, как царь на троне, а перед любым входящим человеком, особенно посторонним, делал вид, какой он ответственный и незаменимый руководитель, не обращая внимания на то, что на самом деле у предприятия финансовый крах и оно катится в бездну.

– Я и тут, я и там, – объяснял он очередному посетителю, не жалея на эти объяснения своего рабочего времени, – Разве я могу успеть везде один? Одному это не по силам. Мне надо и с руководством решать стратегические задачи, и отчётностью заниматься, и за снабженца работать, и перед налоговой отчитываться. Нет, наверно мне надо сходить в отпуск! На отпуск руководителю, я думаю, предприятие деньги найдёт, как считаешь? – спрашивал он посетителя, который возражать не смел, понимая, что в этом случае словесный поток не прекратится вообще, а ещё больше усилится.

Гермак отвечал попутно на звонки, не забывая объяснять каждому абоненту, какой он ответственный и незаменимый руководитель, а потом продолжал монолог с посетителем, не давая ему передышки, чтобы изложить свою просьбу или жалобу.

В этих длительных монологах проходил рабочий день. К концу дня уставал у руководителя, пожалуй, только язык.

Многие работники, которых на предприятии ничего не задерживало, потянулись в родные места в поисках лучшей доли. Чтобы этот процесс происходил быстрее, руководитель сказал:

– Я никого здесь не задерживаю. Всем, кто желает, я подпишу заявление на увольнение. А, чтобы этот процесс шёл быстрее, обещаю полный расчёт. Те, кто остаются работать, будут пока без зарплаты. В первую очередь, все имеющиеся средства пойдут на выплату окончательного расчёта тем, кто решил уволиться.

Люди, как утопающий за соломинку, поверили в эти слова и потянулись со своими заявлениями об уходе по собственному желанию, но много оставалось таких работников, кто увольняться не желал. Работники «прикипели» душой к предприятию, к своему месту жительства. Они терпеливо ждали свою заработную плату, надеясь, что после очередного увольнения работника останутся деньги и они наконец-то получат, если не зарплату, то хотя бы аванс. А денег, как правило, никогда не оставалось! Всегда находились какие-то уважительные причины, чтобы финансы не попадали в руки работников.

А уважительные причины появлялись сами по себе, выскакивая из царившего в стране всеобщего хаоса, организованного новыми русскими и их иностранными консультантами: и те, и другие стремились развалить существующую экономику и создать свою, капиталистическую, где всё продаётся и покупается.

Гермак вызвал к себе одного из своих старших инженеров:

– Григорий Фёдорович, – сказал он инженеру Морсакову, возглавлявшему отдел технического контроля, – Списывай самолёт!

– Как это: списывай? У нас негодных самолётов нет!

– Но у нас их много! Мы сейчас столько держать не можем. Налоги платим за лошадиные силы, а их в каждом самолёте тысяча штук! За каждую «лошадь» с нас дерут три шкуры. Списывай! Готовь приказ на создание комиссии и будем от них избавляться.

– Списывать никаких проблем нет, бумаги я оформить сумею.

– Вот и оформляй. Не мне же этим заниматься! Я и так тут один за всех!

Далее Василий Геннадьевич опять повёл речь о том, какой он незаменимый руководитель.

Морсаков замолчал, заведомо зная, что только этим можно остановить поток бесполезных и ненужных слов новоиспечённого Генерального директора.

– Мы будем рубить сук, на котором сидим, – не удержался и возразил Морсаков после некоторых раздумий.

– Ничего, люди увольняются и самолётов нам столько не надо. Будем экономить на уволенных работниках и основных средствах.

– История нам этого не простит!

– Плевать на историю! Нам разрешено всё! Нас душат налогами, а мы им сократим за это лошадиные силы; нам не дают возможность получать заработную плату, а мы будем увольняться; нас гнут к земле, а мы будем выпрямляться. Да не мне тебя учить! Ты сам всё лучше меня знаешь, списывай, с бумагами лучше тебя никто не справится! И потом: ты умеешь работать на компьютере, а у нас таких пока только двое.

– Полученное указание я выполню, хотя в корне не согласен с такой постановкой вопроса. Директора и вышестоящие руководители приходят и уходят, а мы-то остаёмся, нам тут жить и работать!

– Иди и работай, займись бумагами, а стратегические вопросы буду решать я, Генеральный директор.

Морсаков ушёл, подумав:

«Моё дело выполнять, что прикажут. Я согласен, что брать налоги за лошадиные силы с самолётов, которые не летают и ничего не зарабатывают – это по меньшей мере вредительство. Этак любого можно сделать нищим! Куда страна катится? Неужели в верхах не понимают, что творят? Скорее всего, не хотят понимать. Запущен какой-то механизм, который работает независимо от воли и желания, перемалывая всё на своём пути».

Встретившийся ему на пути Чехин спросил:

– Ты собираешься списывать самолёты?

«Быстро же распространяются слухи», – подумал Морсаков, – «Я только вышел из кабинета!»

– Я буду готовить бумаги, а списывать как раз будешь ты. Я, правда, тоже в комиссии.

– Готовь. Я знаю, что ты получил такое указание. Не знаю, куда катятся Россия и наша транспортная отрасль, но указания надо выполнять, дисциплину никто не отменял. Мне самолёты очень жалко, они почти новые, летать бы на них и летать! Генеральному директору виднее, хотя, я знаю, наш Генеральный вряд ли видит стратегию на ближайшие годы. Он боится, что его могут оштрафовать за неуплату налогов. А по мне так лучше бы платил зарплату, налоги могут и подождать. Ну, оштрафуют одного человека, скинемся ему на штраф, какие проблемы! Я боюсь уже заходить к техникам, будут опять задавать один и тот же вопрос, на который у меня ответа нет и ни у кого нет. По всей России предприятия становятся банкротами, не только у нас. Нас упорно заталкивают в развитой капитализм, хотя вряд ли кто-нибудь представляет, как он выглядит. Шагнём из коммунизма в капитализм и штаны порвём! Лично я хочу работать и зарабатывать. У нас не столица, чтобы заниматься переустройством жизни и политикой.

– Хорошо говоришь, но мы с тобой ничего не решаем. Пойду писать бумаги, а ты давай мне номера самолётов на списание.

– Бери по порядку, любые. Они все исправные и пригодные для полётов! Чувствую, Генеральный директор опять придёт в расходную кладовую!

– Что, часто ходит?

– Да каждый день! К техникам не заходит, а идёт напрямик по закуткам, присматривает что-нибудь для личного хозяйства. Ты знаешь, фантазия его безгранична! Некоторые детали лежат годами, они даже для самолёта не дефицит, а он каждой находит применение в домашнем хозяйстве, причём всё объясняет толково и грамотно. У меня всё в руках, но для дома я ничего не увидел, а он всё видит. Вот бы его фантазию для производства, цены бы не было такому руководителю! Жаль, что его фантазия работает только в одном направлении. Уходит каждый раз с полными карманами, я это знаю, но помалкиваю, какой-никакой, а руководитель, мой непосредственный начальник!

– Не можешь сказать?

– Он старается приходить, когда меня близко нет, а кладовщик отказать руководителю не смеет. Мне потом всё техники рассказывают... Они-то знают, что он уходит с полными карманами, от них ничего не скроешь. Между собой обсуждают, но ведут себя тактично, сор из избы не выносят. Опять же и кладовщика боятся ненароком обидеть. Его дело выдавать, а не обсуждать.

– Я этого и не знал, – сказал Григорий Фёдорович и направился к себе в кабинет заниматься рутинной работой с бумагами.

В пришедших методических указаниях по списанию основных средств он разобрался быстро. Характеристики самолётов он также знал, а также, где взять данные по агрегатам и откуда их списать. Наибольшую трудность представляла распечатка документов в нескольких экземплярах. Григорий Фёдорович засел за допотопный компьютер и стал заниматься несвойственной для него работой, которую могла выполнить любая машинистка. Беда заключалась в том, что машинистки делают ошибки и опечатки, особенно, если много цифр, а их потом надо находить и исправлять, что отнимает ещё больше времени. «Сделаю всё сам», – думал он, – «Так быстрее».

Две скучавшие без работы из-за отсутствия полётов соседки по кабинету на него посматривали, но ничего не говорили, делая вид, что тоже работают.

Их работа заключалась в обработке полётных документов, которых в последнее время имелось катастрофически мало.

Одна, наиболее шустрая девушка, «висела» на телефоне, обзванивая подруг и выпытывая последние новости, поглядывая иногда на дверь, чтобы её случайно за этим занятием не застукало начальство. Морсакова она не боялась, понимая, что сор из избы он наружу не вынесет. Другая девушка скучала, перебирая лениво бумаги и поглядывая на часы в ожидании обеда.

Ей Григорий Фёдорович недавно уступил свой стол у окна, чтобы она могла созерцать природу и суету на перроне, когда с рейсового самолёта выходят пассажиры.

Он на соседок не обращал внимания, углубившись в сотни цифр и названий агрегатов, пытаясь не ошибиться.

– Хорошая у тебя работа, – сказала Марина, закончив очередной трёп по телефону.

Григорий Фёдорович понял, что эти слова относятся к нему и спросил:

– А у тебя разве плохая?

– Мы заняты, а ты сидишь и перебираешь бумажки, – она не собиралась соблюдать субординацию и дисциплину, понимая, что сосед по кабинету всё проглотит и не обидится.

– Я вижу, что вы очень заняты, поэтому уткнулся в бумаги и на вас не смотрю, чтобы не мешать и не смущать случайным взглядом.

– Мог бы и посмотреть! На кого тогда ты смотришь, если нас боишься смущать? – обиделась соседка.

– На работе я не смотрю ни на кого, а у тебя есть муж, который может в любую минуту зайти. Он и будет смотреть на тебя.

– Он дома с детьми, не бойся! – сразу сказала Марина.

– Я не боюсь, но приличие соблюдаю.

– Какой всамделишный! Тут две женщины страдают, а он смотрит только в бумаги!

– Страдает сейчас только одна – это я вижу. Оставь свои страдания до обеда, который будет через полчаса. А сейчас думай о том, чем накормишь мужа и детей, и не забудь в обед выполнить супружеские обязанности.

– Сами накормятся, – почему-то обидевшись, сказала Марина и взялась снова набирать номер очередного абонента.

Другая соседка Нина в разговор не вступала. Ей пустой разговор не нравился и разговаривать она не хотела. Через десять минут они тихо снялись со своих мест и пошли на обед.

Почти сразу зашёл Гермак, как будто ждал, когда девушки уйдут на обед.

– Фёдорович, ты сколько самолётов списываешь? – спросил он.

– Пока два.

– Надо больше.

– Я не машина, с этими двумя провожусь несколько дней.

– Имей в виду, что надо списать примерно половину, иначе налогами нас задавят совсем. Люди не работают. Для самолётов работы нет. Чем будем платить налоги?

– Про налоги я ничего не знаю. Мне нужна моя зарплата, которую я не получаю, а должен получать её каждый месяц.

– Будет зарплата. Люди уходят, их рассчитаем и начнём выплачивать деньги тем, кто остаётся.

– Плохо верится! – ответил Морсаков, – Пока работаю, самолёты к списанию готовлю, но кушать всё равно хочется.

Гермак ушёл, а Григорий Фёдорович, оставшись один, погрузился в свои невесёлые думы. Его брала сомнения, что заработную плату когда-то выдадут. Люди покидали предприятие один за другим, подаваясь в свои родные края, откуда когда-то давно приехали, надеясь там у себя по приезду нормально устроиться и работать. У многих накопились значительные неиспользованные отпуска. Заработная плата с компенсационными выплатами составляла внушительные суммы. Все скудные средства из кассы уходили на эти выплаты, а те, кто работал, ничего не получали, даже авансов.

Жаловаться стало некому. Общественные организации стали недееспособными; руководители исчезли или поменялись; вышестоящие организации оказались на таком же распутье, что и рядовые предприятия; суды и правоохранительные органы исполняли те законы, которые вновь появлялись на свет, также не сознавая в полной мере, что происходит и что будет завтра и впереди.

Посидев так ещё полчаса и ничего для себя не решив, Григорий Фёдорович также отправился на обед, мысленно сознавая, что дома его ждут не просто на обед, а с зарплатой.

Старший сын заканчивал школу. В школе творился такой же хаос, как и везде. Учителя ходили на работу, но заработную плату не получали или получали жалкие крохи от того, что должно быть. Инфляция съедала всё, что попадало в руки. Цены росли, как на дрожжах. Продавцы в магазинах не успевали менять на товарах ценники.

Школьники шалили и не слушались ни учителей, ни родителей, видя их беспомощность в происходящем. А в добавок ко всему стало разрешено всё, что не запрещено. Потёк рекой алкоголь, который стал разрешённым для частной торговли и доступным по цене для населения.

Люди отмечали всё: вынужденные выходные, потерю работы, исчезновение предприятия, размножающиеся праздники и прочие маленькое радости и огорчения.

Правдами и неправдами Григорий Фёдорович помог сыну поступить в авиационное училище, из которого не брали в армию. Армия стала опасной и непредсказуемой. Разгоралась война в Чечне, в которую, как в мясорубку, отправляли всё новые и новые порции новобранцев, переправляя обратно на малую родину цинковые гробы.

Григорий Фёдорович прекрасно понимал, что в развязанной войне не будет победителей и побеждённых, где каждый отстаивал свою правду и, где активно орудовали иностранные спецслужбы, чтобы поддерживать незатухающий костёр на фоне творящейся в стране неразберихи.

– Вам деньги дали? – услышал он вопрос жены, только перешагнув порог.

– Какие деньги? – постарался он перевести всё в шутку.

– Я знаю, у вас Семёновы и Растягаевы получили.

– Так ты не равняй, они увольняются, а уволенным выдают в первую очередь.

– Разве работающим не должны выдавать?

– Наверно плохо работаю, – опять пошутил Морсаков.

Далее последовал обычный словесный поток, где виновный фигурировал только один – это Григорий Фёдорович. Он, не вступая больше в диалог, быстро поел то, что нашёл и отправился обратно на работу.

В кабинете он ощущал себя спокойнее. Донимали временами от безделья соседки, но это он терпел, чаще не вступая с ними в диалог. Он знал, что с поставленной задачей он справится и справится быстро, так, как привык всегда работать и отвечать за порученное дело. В его душе «скребли кошки», ему было жаль самолёты, которые кормили предприятие и, без которых коллективу в этом предприятии не выстоять.

«Пусть над этим думают Чехин и Гермак», в конце концов, – подумал он.

Числящиеся в предприятии сорок три самолёта АН-2 стояли исправные и пригодные к полётам. Один из них находился в ремонте на заводе. Завод доложил о выполненной работе и требовал самолёт забрать. Он занимал заводскую стоянку и находился на попечении завода, что не входило в планы этого предприятия. Телеграммы сыпались одна за другой, но Гермак их полностью игнорировал, понимая, что средств на перегон самолёта за счёт предприятия нет никаких.

Григорий Фёдорович постарался в уме прикинуть, сколько же надо платить за лошадиные силы налога с сорока трёх самолётов. Получались астрономические цифры. Он перестал подсчитывать, видя всю бесполезность этого труда.

После обеда Фёдор Николаевич Чехин зашёл к Гермаку.

– Василий Геннадьевич, – обратился он к своему начальнику, – Я дал указание заниматься списанием техники, но сам с этим не согласен. Мы рубим сук, на котором сидим. Спешем самолёты, а самим потом что делать? Без самолётов мы будем здесь не нужны.

– Нам не надо столько самолётов, – отрезал Гермак, – Люди увольняются, будет компактный коллектив, которому надо меньше техники. Налогов станет значительно меньше. Я разговаривал с вышестоящим начальством. Они добро на списание дали, но сами придержат документы, чтобы не вычёркивать самолёты из реестра. Кто знает, может всё ещё переменится к лучшему. У меня ближайшая задача – рассчитать увольняющихся людей.

– А мы разве не люди? Я не могу уже заходить в цех, слышу только разговор о заработной плате, дай хотя бы аванс.

– Обещать не буду, но подумаю. Мне одному везде не успеть. Меня ежеминутно трясут с налоговой инспекции, со статистики, звонят с банка. Я ищу бензин, которого вдруг внезапно не стало во всём Советском Союзе, – он так и сказал: «В Советском Союзе», хотя Союза не стало раньше, чем бензина, – Все заводы закрылись, остался один, а бензин нужен всем. Этот завод тоже вот-вот закроется. На бензин нужны деньги, а где я их возьму? Надо идти в отпуск! – перешёл он на любимую тему.

Чехин знал, что сейчас Гермак станет объяснять, какой он незаменимый и как он устал. Он вынужденно слушал тираду, понимая, что вопрос с заработной платой не решён. Когда он выйдет из кабинета, его подчинённые подкараулят и зададут излюбленный вопрос. То, что он находится в кабинете у Гермака, знают сейчас даже самые ленивые – это не остаётся без всеобщего внимания.

Так и случилось: только он вышел из кабинета, тут же в коридоре столкнулся с Грековым, который делал вид, что заскочил сюда на минутку по неотложному делу. Он сразу задал вопрос:

– Ну что, решил?

Чехин понял его вопрос без дополнительных пояснений и так же коротко ответил:

– Не решил, но он обещал подумать.

– Меня жена каждый день пилит, требует деньги.

– Меня тоже, – сказал Чехин, – Но я работаю, а ты приходишь на работу и не работаешь, распустил своих подчинённых. Они, глядя на тебя, тоже не работают. Я бы на месте твоей жены

давно тебя выгнал из дому. Так, Саша, нельзя. Пришёл на работу – работай или увольняйся, как это делают другие, тогда получишь деньги, выбор за тобой. Не будете работать, я перестану ходить к начальству. Мне это надо меньше всего. Я сейчас говорю с тобой без лишних ушей, при подчинённых я так не скажу и унижать тебя не буду, решать тебе.

Чехин, оставив Грекова с застывшим и не произнесённым словом, повернулся и пошёл. Ему предстояло решить, какие самолёты, кроме намеченных двух, списывать и в каком порядке. Документы подготовить можно, но как найти повод для списания – это оставалось загадкой. Воспитанный на моральном кодексе построения коммунизма, Фёдор Николаевич такого варварства никогда себе не представлял и даже не мог об этом подумать.

Новое время и новые веяния заставляли это делать и осознать.

Увольнялись пилоты, увольнялись и техники, оставались пока работники, которые не собирались никуда уезжать по причине отсутствия желания уехать или отсутствия где-то в других краях точки опоры, где можно окопаться и начинать жить заново. Таких насчитывалось немного, но оставался как раз компактный коллектив, способный решать поставленные задачи и выполнять перевозки.

Фёдор Николаевич зашёл в домик оперативной смены. Полётов в этот день из-за отсутствия бензина не планировалось. Остался топливный резерв, который предназначался для санитарных заданий или выполнения каких-либо экстренных перевозок.

Техники сидели в задымленном помещении, загромождённом шкапами для переодевания, двумя столами, креслами и разной технической утварью, необходимой в повседневной работе. Судя по тому, как быстро люди очистили кресло, вокруг которого они сидели, здесь продолжалась бесконечная игра в преферанс, которая практиковалась при отсутствии полётов. Фёдор Николаевич об этом знал, заставляя не раз игроков врасплох.

– Судя по всему, вы меня прокараулили, – сказал он, входя.

– Мы ничего не делаем, – ответил самый бойкий техник-бригадир Торин.

– Я вижу, что на работе вы ничего не делаете и наверняка хотите получать заработную плату, – Фёдор Николаевич заметил, что глаза техника подозрительно блестят.

Он окинул взглядом других сидящих и заметил у других такой же блеск в глазах. Запахов Чехин не чувствовал, так был устроен его организм, он к этому давно привык. Фёдор Николаевич знал и то, что на этом участке техники в минуты безделья позволяют себе «заложить за воротник» – это происходило давно и поощрялось инженером участка, который сам участвовал в этом мероприятии и считал, что работе это не мешает.

Сейчас Чехин по этому поводу никаких замечаний делать не стал и посчитал лишним, предчувствуя, что сразу возникнет дискуссия о зарплате.

– Кто выиграл? – спросил Чехин не из любопытства, а для того, чтобы начать нужный ему разговор.

– Мы не играли, – стоял на своём Торин.

– А мне сегодня всё равно, играли вы или нет. Я зашёл сказать, что участок ваш ликвидируется.

Немая сцена оповестила о том, будто он сказал слова классика: «К нам едет ревизор!»

– А что будет? – после минутного замешательства спросил инженер участка Мужилин.

– Ничего не будет. Участок перейдёт в распоряжение второго Архангельского отряда. Я тоже намерен уходить туда. Сейчас я ещё раз убедился, что вместо ударного труда вы играете в карты, но выглядите слишком уставшими – это непозволительно.

– А как же мы? – спросил Торин.

– Пришло время, когда каждый в ответе сам за себя. Мужилину я предлагаю возглавить АТБ вместо меня. Кто-то из желающих попадёт в новый участок, а остальные техники подлежат сокращению. Это не моя прихоть – так решило вышестоящее начальство. Заработную плату

выдавать нечем, будем сокращаться и преобразовываться. Второй отряд несколько человек возьмёт к себе, чтобы здесь выполнять ту же самую работу.

– Кого сократят? – одновременно со всех сторон послышался один и тот же вопрос.

– Всё будет по закону. Останутся самые квалифицированные и грамотные специалисты, имеющие высокий разряд, допуск к реактивной технике и самый большой стаж работы, – Чехин помолчал и добавил:

– И не играющие на работе в преферанс. Кто пожелает уволиться сам, расчёт будет незамедлительным. Через некоторое время к этому разговору вернёмся, а мне сейчас нужен ответ Мужилина. Я пока решаю свои проблемы.

– Здорово! – воскликнул Торин, – А кто же будет решать наши проблемы?

– Он и будет, – показал на Мужилина рукой Чехин, – Время на раздумье у вас есть – это произойдёт не сразу и не быстро. Если Юрий Константинович не согласится, он тоже попадёт под сокращение. Эту машину, которую запустили вопреки нашему желанию, уже не остановить. Профсоюзный комитет всё контролирует и помогает выбирать кандидатуры на сокращение. Заработную плату выдавать нечем, поэтому пошёл в ход механизм сокращения количества самолётов и личного состава.

– Сократим самолёты, тогда и работа наша закончится, увольнять придётся всех, – снова вступил в разговор Торин.

– Может, так и будет. А сейчас налоги установлены такие, что наше предприятие выплатить их не в силах. Оно работало в планово-убыточном режиме, а теперь по новым законам станет банкротом. Зато у вас появилось право устраивать забастовки, голодовки, акции протеста и прочие мероприятия, которые раньше не приветствовались. Как видите, не всё, что происходит, плохо. У вас появились широкие права, чтобы доказывать свою возможность трудиться и зарабатывать. Кстати, заработная плата ныне ничем не ограничивается.

– Мы это заметили, – сказал молчавший до сих пор техник Тяжкин, – Только не ограничивают её в другую сторону, чтобы её не стало совсем, пока так и происходит. На сколько бы её не увеличили, выдавать заработную плату нечем, значит, перспектив нет никаких. Если рассудить трезво, дело идёт к краху предприятия и всего, что тут было создано. Так происходит во всём бывшем Союзе, значит, так будет и у нас. Если взять только в масштабе нашего региона, видно, что все имеющиеся предприятия испытывают то же самое, что и мы. Совхозы трещат по швам; речной флот – наш конкурент, теперь уже не конкурент; леспромхоз реорганизовывается и преобразовывается, но пока не в лучшую сторону. Мы не слепые котятка, всё происходит на наших глазах, но просто так мы сдаваться не будем. Лично я приму самое активное участие в том, чтобы никого без ведома профсоюзного комитета не сократили и не уволили.

– Это ваше право, – сказал Чехин, – Я это тоже контролирую, но кандидатуры под сокращение вынужден намечать я, как руководитель. Весь процесс буду согласовывать с бригадами и инженерами. Каждый из вас знает степень своей подготовки и вероятную возможность попасть под сокращение штатов, сами можете всё решить без лишнего «кровопролития».

Чехин повернулся и вышел на улицу. На душе от разговора остался какой-то неприятный осадок. Он знал, что сейчас техники будут бурно обсуждать всё услышанное. О такой работе он ещё совсем недавно не мечтал и не думал, но пришло время, что этим всем приходится заниматься. А самое главное, что и он сам оказался на распутье. Безжалостная машина, запущенная где-то наверху, перемалывала всё, не взирая на лица, должности, семейное положение, количество детей, принадлежность к общественным организациям и всему прочему.

Его бывший главный заместитель вдруг оказался экономистом этого нынешнего предприятия, ушёл на совершенно не свойственную ему работу. Из лётного отряда Чехин забрал к себе инженера с самым большим стажем работы возглавить ОТК, но мог бы и не забирать. Морсаков попал под сокращение. Чехин вовремя сообразил, что лучше пока его прибрать к рукам. Впереди светила полная неизвестность, а подготовленного инженера с опытом работы

не так просто найти. Теперь пришла пора ему думать самому о своём уходе. Но в уме он уже решил, что и Морсакова он потянет за собой, не даст его выкинуть на улицу. Лучше уйти в другое предприятие сразу, чем дожидаться своей очереди на увольнение.

Невесёлые мысли одолевали, не давали сосредоточиться на главном, а главным оставался выпуск самолётов из ремонта. На оперативных точках самолёты пока летали и время от времени требовалась их замена. Он опять направился в док. Всё равно надо заставить техников работать, иначе не останется ни одного исправного самолёта.

К его удивлению, техники работали. Видать слух о грядущем сокращении штатов сюда добрался раньше, чем он здесь появился. Чехин подошёл к Семёнову, но расспрашивать ни о чём не стал, а спросил только, когда самолёт выйдет из ремонта.

Юрий ответил, что утром он будет готов к полёту – это начальника АТБ устраивало: утром планировалась замена самолёта на периферии. Он повернулся и направился к себе в кабинет. «Сейчас пока можно заняться бумагами», – подумал Фёдор Николаевич, – «Подготовлю очередные «жертвы» к списанию». В отдельно стоящем домике, где располагалась контора АТБ, царила рабочая атмосфера, но Фёдор Николаевич знал, что делается только видимость работы, а на самом деле решается основной вопрос о сокращении штатов. Контора заметно «похудела»: один специалист подался в экономисты, отдел ОТК в лице одного ведущего инженера переместился в общую контору, один из двух техников по учёту увольнялся. В здании планировалось отключить на зиму отопление, чтобы сократить расходы – всё это никак не настраивало на рабочий лад, в том числе и отсутствие полётов.

Фёдор Николаевич сел за рабочий стол и достал список самолётов. Все сорок три штуки он знал наизусть: примерную наработку часов, количество капремонтов, планируемые формы, их «болезни» и прочие маленькие отличия. Списывать оказалось нечего. Этим самолётам ещё летать и летать! Они могли бы принести огромную пользу государству, району и в конечном итоге людям. Чехин, как ни крутил, а пришёл к выводу, что списывать надо по порядку, начиная с самолёта с наибольшим сроком службы. После такого мысленного вывода, ему стало легче, но ненадолго.

«Сколько ещё продлится эта вакханалия с перестройкой?» – думал он, – «А вдруг завтра всё изменится и войдёт в привычную колею? Сомнительно. Видел же своими глазами, как советскую власть расстреляли из танков! Жалко людей! Никто не может помочь и что-то вразумительно объяснить. Многие работники «окопались», завели семьи и уезжать совсем не думали и не рассчитывали. А теперь всё перевернулось кувырком. Не стало работы, зарплаты, предприятия, которое с таким трудом создавали. Что делать дальше, я не знаю, но и никто не знает. Сам уйду, утяну с собой Морсакова, который начинал здесь всё возводить с нуля, но сколько мы там проработаем? Это будет уже не та работа. Не будет уверенности в завтрашнем дне. И не надо забывать, что в другом предприятии первого сократят того, кто последний устроился на работу. Там тоже не всё гладко и не всё просто».

Чехин знал, что на созданной волне хаоса создаются и новые авиационные предприятия, знал он также, что этим новоявленным, возникшим, как мыльные пузыри, предприятиям никакие законы не писаны. Они преследуют только одну цель – извлечение максимальной прибыли любым путём, в ущерб безопасности полётов, в ущерб здоровью и безопасности пассажиров. Это не та работа, которую он привык выполнять и к которой привыкли его подчинённые.

«Вот и наш бывший руководитель прежнего, распавшегося на мелкие пруттики, предприятия, создаёт в городе свою новую лёгкую контору для занятия грузовыми перевозками. Возникла сеть других подобных контор для выполнения пассажирских и грузовых перевозок. Долго ли они продержаться?» – мысли одолевали, путались, роились в голове, но ответа на них у Чехина не было. Пожалуй, сейчас никто не мог ответить на многие вопросы, которые касались ближайшего будущего не только предприятия, а всей отрасли в целом.

Он поймал себя на том, что сидит в своём кабинете за столом и ничего не делает, уткнувшись взглядом в лист со списком самолётов.

Фёдор Николаевич позвонил Гермаку:

– У меня список готов, – доложил он.

Телефонная трубка голосом Гермака ответила, чтобы он передал список Морсакову, который готовит необходимые документы для списания.

На сегодняшний день, кроме Морсакова и Чехина, эту работу быстро и грамотно вряд ли кто мог сделать. Любой инженер мог разобраться с этой премудростью, но на это ушли бы дни и недели, а ещё всё надо распечатать и размножить. Быстро всё делал только Морсаков.

Чехин конечно же не возражал, чтобы Морсаков выполнял рутинную работу, зная, что он даже подписи соберёт и принесёт всё ему на стол. Знал он и о особенностях его неуживчивого характера. Морсаков всегда имел на всё свою точку зрения и, если его что-то не устраивало, он мог отстаивать своё мнение с кем угодно, не взирая на ранги и лица. С другой стороны, если его всё устраивало, за ним никогда не надо ходить «нянькой». Он мог вполне самостоятельно принимать любые решения и выполнять любую работу. Эти его качества Чехина вполне устраивали. В конце концов, Морсаков хоть и бывает не согласен, но он приводит разумные доводы и объяснения не в ущерб общему делу. А компромисс с ним всегда можно найти!

Фёдор Николаевич позвал Морсакова к себе:

– Зайди, я тебе выдам новых «обречённых».

– Сейчас зайду, – ответил голос в трубке, хотя Чехин знал, что Морсаков «зарыт» в бумагах и оторваться от дела ему не просто.

Когда Григорий Фёдорович зашёл, Чехин спросил:

– Дела идут?

– Идут, заканчиваю, – коротко ответил Морсаков.

– Тогда носи готовые бумаги и продолжай эту работу. Вот тебе новые кандидаты, – Чехин подвинул список к Морсакову.

Морсаков только глянул и определил, что это всего лишь полный список самолётов в порядке от старшего к младшему.

– По порядку? – спросил он.

– Да, я не вижу, что тут можно выделить в особую группу. Списывай по порядку в зависимости от наработки. Я такая же жертва, как и ты. Нам приказывают – мы исполняем.

– Хорошо. У меня возражений нет. Бумаги я подготовлю. Списывать исправные самолёты мне не по душе, но указания я привык выполнять. За принятие таких решений зарплату получают другие люди.

– Я знаю, что тебе это не по душе, как, впрочем, и мне, но эту машину нам на ходу не остановить. Всё понимаю: и про налоги, и про отсутствие заработной платы, и про происходящие в стране процессы; но не понимаю, кому и зачем это надо. Видимо мы не доросли до того, чтобы это понимать. Я наверно перейду на работу во второй отряд, почву для себя я подготовил. Они возьмут одну бригаду для обслуживания транзитных самолётов. Если хочешь, можешь войти в эту бригаду.

– Я наверно возражать не буду, всё равно уволят, но и настаивать тоже не буду, зная, что в эту бригаду не один десяток претендентов.

– Но ты себя-то с ними не равняй! У тебя допуск на несколько самолётов, а изучено и того больше!

– Ладно, решать тебе, а по головам я не полезу. Как решишь, так и будет, а сейчас я пойду работать.

– Иди. Это всё будет ещё не скоро. Сначала я передам дела Мужилину. Кандидатам в эту бригаду заработную плату вряд ли выдадут, поскольку мы не уезжаем, а остаёмся на месте, но кандидаты всё равно есть.

– Я пока работаю, но наверно скоро начну на директора наезжать. Нынешний порядок ни в какие рамки не укладывается. Получается, что КЗОТ должны выполнять только работники, а начальники его игнорируют.

– А я эту тему не обсуждаю, хотя заработную плату тоже не получаю. Не хочу увязать в конфликтах.

– Удивляюсь я тебе, Николаевич, находишься всё время между двух огней и умудряешься оставаться целым! Мне бы твою выдержку!

Чехин улыбнулся. Не часто на работе возникает разговор ни о чём, в котором тебя ещё и хвалят. Он знал, что Морсаков не из подхалимов. Эта его похвала вылетела из уст в процессе разговора.

– Доживёшь до моих лет, тоже станешь выдержанным! – пошутил Чехин, хотя был на полгода младше Морсакова.

Морсаков ушёл.

В оперативной технической после ухода Чехина разгорелись целые баталии. Про игру в преферанс все внезапно забыли. Сейчас вёлся подсчёт вслух одновременно всеми своих достижений в образовании и трудовом стаже. Получалось не совсем корректно: техник-бригадир, какой-никакой, а руководитель, не попадал в число самых образованных. Он мог похвастаться только стажем работы, но стаж заработан на разных должностях, начиная с самой малой квалификации.

Некоторые техники успели побывать на курсах переподготовки и изучить по одному турбовинтовому самолёту, а один успел повысить свой класс. Между собой все выглядели примерно одинаково с небольшими различиями. Самая высокая квалификация имелась у Морсакова, но он сейчас не являлся конкурентом.

А у техников на участке трудоёмких регламентов отсутствовала переподготовка на реактивную технику, хотя некоторые и имели высокий класс. Работа на перроне предполагала обслуживание всех типов самолётов, которые прилетят, значит, и кандидаты должны быть с допуском на эти самолёты.

– Я всё равно буду претендовать, – сказал Греков, – Уезжать мне некуда, работать придётся здесь.

– А мы разве не люди? – спросил Иванов, – Мы все будем претендовать.

– У меня первый класс, – сказал Греков.

Иванов тут же возразил:

– У Николаевича тоже первый класс, но он молчит. Ты не один такой образованный! Чехин уже в бригаде – он и будет решать! А я запишусь первым.

– Там без тебя бригада набрана, – сказал Семёнов, – Бригада есть на перроне, она работает и там специалисты с допусками на большую технику. Если подходить к этому вопросу грамотно, мы в списках не должны фигурировать. Не забывайте, что ещё есть Морсаков, который никуда не уезжает!

– Он вообще работал не у нас, – тут же возразил Иванов.

– Он работал, когда ты ещё не родился, – сказал Семёнов. – Лично я уеду в город.

Всем стало как-то легче, что один кандидат отпал сам-с собой, хотя проблема никак не разрешилась, а, наоборот, только набирала полную силу. Уезжать особо никто не торопился и не собирался. Все хотели оставаться и работать в своём предприятии и на своей территории.

В оперативной смене страсти постепенно улеглись, между собой спор прекратился, но техников с трудоёмкого регламента никто конкурентами не считал, понимая, что у них нет опыта работы на перроне и нет допусков к реактивной технике. Самые квалифицированные техники оказались вне конкуренции.

Стояли тёплые дни. Впереди маячила трудная, холодная и долгая зима, но об этом сейчас, ранней весной, думать не хотелось. Погожие солнечные дни шли чередой один за другим.

Солнышко пригревало. Погода настраивала на лирический лад. Хотелось больше думать об отпуске, о развлечениях, о предстоящих рыбалке и охоте. Ещё как-то не верилось, что всё рухнет и исчезнет, как мыльный пузырь от лёгкого дуновения ветерка.

Потянулись вереницей отпускники к кассе за отпускными деньгами, но денег на эти цели не имелось. Кассир разводила руками, стараясь кассовое окошко держать закрытым, чтобы посетители не надоедали. Она всех отправляла к руководителю и просила передать остальным, чтобы к ней без письменного разрешения руководителя не подходили. Но к кассе всё равно люди шли, надеясь, что вдруг окошко откроется и именно очередному отпускнику счастье улыбнётся и само придёт в руки в виде бумажных купюр.

Как-то так получалось, что возле кассового окошка всегда находился один работник. Специально никто дежурных не выставлял, но один человек в коридоре у кассы ненавязчиво всегда присутствовал. Безденежье настолько одолело, что люди правдами и неправдами пытались получить хоть какие-то деньги, а для этого надо хотя бы обладать информацией. Работник бесцельно ходил по коридору или просто стоял у стенки, временами при появлении в коридоре посетителя или обладателя одного из кабинетов, делая вид, что кого-то ждёт или ждёт свою очередь для посещения одного из кабинетов. Особенно это становилось характерным для времени появления кассира из банка. Но кассир приходил, а окошко кассы для посетителей не открывалось. В кассу заходил только Гермак, о чём-то там очень тихо разговаривал с кассиром, затем оттуда выходил и скрывался в своём кабинете.

Работавшая кассиром ранее женщина уволилась, а вместо неё Гермак принял на работу удобного для него кассира, которая выполняла неукоснительно все его распоряжения и, к которой в кассу он заходил, как к себе домой, обсуждая все текущие финансовые проблемы.

Упорно ходили слухи, что зарплату кассир получал, как, впрочем, и Гермак, тоже. Слухи непроверенные, но меняющиеся «часовые» в коридоре у кассового окошка временами слышали обрывки фраз, возникающие на ходу разговоры, наблюдали за поведением интересующих их лиц и делали свои выводы.

Эти обрывочные сведения незамедлительно становились темой для обсуждения в больших и маленьких коллективах. Люди перерабатывали полученные новости, возмущались, но говорить открыто в лицо Гермаку мало кто отваживался, боясь, что станет очередной жертвой на увольнение.

Некоторые отпускники часть денег всё же получали, в том числе и директор предприятия. Этими некоторыми оказывались люди, умеющие льстить директору и умеющие находить к нему подход. Как бы ни скрывались эти редкие выдачи денег из кассы, они становились достоянием обсуждения для всего коллектива.

Гермак к весне заболел, ходили слухи, что простудой, но он взял законный больничный лист и скрылся от коллектива на домашнем амбулаторном лечении. В это время и случилось очень неудобное для него событие. Позвонили из одной удалённой деревни и сообщили, что имеется рыба для продажи. Гермак в такой рейс обычно никого не отправлял, а летел всегда непременно сам. Работники быстро вычислили вероятность такого рвеня: он сам лично проводил торги в деревне, покупал за счёт предприятия рыбу и после её доставки продавал по повышенной цене, прибирая разницу в цене себе в карман.

В этот раз сообщение пришло в очень неудобное для него время. Тем не менее он появился на работе, не освобождая себя от больничного листа, поставил свою фамилию в наряд на полёты и сам полетел в деревню.

Этот его поступок стал очередной темой для обсуждения и осуждения. Его боязнь, что откроется для всех налаженный бизнес, о котором давно все знали, заставила принимать нестандартные решения, что ещё больше это укрепило мнение о нём коллектива.

Гермак догадывался, что рано или поздно всё откроется, поэтому по прилёту он сказал:

– Рыбу продадим в этот раз другой организации, поскольку заказ был от них, а после продажи может быть кому-то выдадим аванс.

Сказал он это не для того, чтобы действительно выдать аванс, а для того, чтобы притупить бдительность работников, отслеживающих все поступления денег. Сам он опять скрылся дома досиживать на своём больничном листе, понимая, что к его «выздоровлению» все страсти улягутся, а эти скудные средства, поступившие от продажи рыбы, он распределит по своему усмотрению. Для полёта в деревню Гермак не забыл выписать себе командировку, чтобы получить деньги на командировочные расходы – это являлось его главным правилом: не забывать никогда о себе и меньше размышлять о судьбах подчинённых.

Разговоры об этом рыбном рейсе долго не утихали. Люди выяснили всё: где рыба покупалась, по какой цене, кто продавец и какой навар получился от торговли. Они выяснить-выяснили, а поскольку Гермак находился дома, дальше разговоров дело не пошло. Никто денег от продажи рыбы не увидел. Кассир упорно стояла на своём, что она ничего не знает и сама деньгами не распоряжается, а наличности в кассе нет, поэтому и обращаться к ней бесполезно.

Разговоры постепенно утихли, но осадок остался и этот случай никто не забыл.

Тем временем очередные отпускники потянулись в весенне-летние отпуска без отпускных пособий. Накопленный отпуск люди старались отгулять, поскольку никаких компенсаций в ближайшее обозримое время не предвиделось. На экранах телевизоров мелькали одни и те же лица, грозящие сделать всех богатыми капиталистами, но только после того, как они насытят налогами разворованную казну с утёкшими в неизвестном направлении партийными капиталами, называемыми «золотом партии». Вылезшие из ниоткуда щеголеватые жуки вещали о новых переменах, сулящих немислимые богатства каждому жителю разрозненной, израненной, разворованной, но не покорённой страны.

На самом же деле уничтожались несметные богатства этой самой страны, исчезали предприятия и целые отрасли, росла огромными темпами инфляция, искусственно созданный хаос рушил все нормы морали и права, существующие законы и порядок, сложившиеся традиции и уклад. Людей приучали к туеядству и праздной жизни без запретов и норм с многочисленными каникулами и праздниками.

Морсаков тоже решил взять отпуск, пока есть такая возможность. Он чувствовал, что это будет его последний отпуск в исчезающем предприятии.

– Спишешь самолёты и отпуск я тебе подпишу, – сказал ему Гермак, понимая, что без Морсакова никто эту работу не выполнит.

– Я выбрал самое удобное время, – возразил Морсаков, привыкший доходчиво аргументировать все свои решения и поступки, – Пока «ходят» документы по первым двум самолётам, я успею вернуться. На следующую партию документы у меня почти готовы, я передам их Чехину. Никаких препятствий для моего отпуска нет. А к тому моменту, когда возникнут вопросы по новому списанию, я вернусь. Отпуск я беру не на полгода, а всего на две недели!

Он придвинул своё заявление к Гермаку.

Василий Геннадьевич очень не хотел его отпускать, понимая, что в бумажной работе сразу появится «дыра», но и к аргументам он не мог не прислушаться, зная по прежней работе, что Морсаков способен всё рассчитать и продумать. Гермак нехотя придвинул к себе заявление, занёс над ним ручку и так застыл, задумавшись и смотря в одну точку. Затем он быстро поставил подпись и отдал заявление, огорошив Морсакова неожиданным выводом.

– Хорошо, иди отдыхай, а потом останешься за меня, а я пойду в отпуск.

– У тебя есть главная замена – Чехин, – сразу возразил Морсаков.

– Я хочу оставить тебя, я так решил.

– В принципе я не возражаю, просто как-то неожиданно. Руководителем быть у меня нет способностей и желания.

– Ничего, месяц поруководишь, ничего не случится. Будешь решать только текущие вопросы. Оформим тебе право подписи в банковских документах. А стратегические вопросы оставяй до моего приезда.

Морсаков ушёл, видя, что разговор окончен. Главный вопрос для себя он решил: он идёт в отпуск в удобное для него время. Можно готовить боеприпасы и отбывать на весеннюю охоту на Канин. А как в этот раз туда попасть, он пока не знал. Самолёты почти не летали. «Ничего, не первый раз», – подумал он, – «Всю жизнь летал, улечу как-нибудь и в этот раз. Надо обрадовать напарников, которые ждут результат по моему заявлению на отпуск».

Как-то невзгоды и неурядицы всех последних месяцев ушли на второй план. Теперь все его мысли оказались заняты подготовкой провианта, боеприпасов, одежды и прочих мелочей, необходимых для автономного выживания в тундре в течение нескольких дней и ночей. Его напарники, обрадованные тем, что коллектив остаётся прежний, стали также усиленно готовиться. С одним из них, Андреем Анатольевичем, можно было советоваться и решать насущные вопросы, а другой находился на расстоянии более сотни километров на пол пути к конечной цели.

Андрей Анатольевич по возрасту самый старший, опытный гусятник, всю свою жизнь проживший на Севере. Бывал он во всяких передрыгах, во всяких условиях проживания, имел за плечами огромный опыт, как по работе, так и в жизни. Сейчас они жили вдвоём с женой, не обременённые сильно домашним хозяйством и заботами. Андрей Анатольевич, выйдя на пенсию, продолжал работать, осуществляя надзор за полётами, а после распада предприятия оказался не у дел, попав сразу под сокращение.

Третий напарник Василий Алвизов летал в качестве пилота. Он и сколотил в своё время этот охотничий коллектив, сам став заядлым охотником. Судьба забросила его на Север после окончания лётного училища. Здесь он прижился, полюбив Крайний Север, его суровый нрав и широкие возможности для рыбалки и охоты. Воспитание четверых сыновей не мешало ему заниматься работой и досугом. Собираясь на излюбленные места, он ждал напарников, с которыми привык делить радости и огорчения походной жизни. По характеру весёлый и общительный Василий легко сходилась с людьми, мог найти и друзей, и напарников в любое время и в любом месте, но предпочитал старых друзей не бросать.

Сейчас он ждал, когда друзья изволят к нему явиться, и понимал, что этого может и не произойти из-за отсутствия транспорта. Весна – время самого бездорожья и распутицы с ледоходом на реках, раскисшими посадочными площадками для самолётов и полным отсутствием дорог. Василий упорно заряжал патроны, готовил провиант, не забыв укомплектовать традиционное спиртное для открытия охоты в обычном коллективе. Он ждал, надеясь на чудо, что напарники что-нибудь придумают и почтут его своим присутствием.

Транспорта не находилось. Самый удобный транспорт – самолёт, но никаких перелётов в это смутное время на ближайшие десять дней не предвиделось. Дороги раскисли, а речной транспорт из-за ледовой обстановки на реке не ходил.

Напарники «сидели на чемоданах» и обзванивали знакомых, выискивая все мыслимые и немыслимые варианты передвижения. Пешком идти не хотелось, да и пока они пройдут все сто пятьдесят километров, охота как раз и закончится – этот вариант никак не подходил. Наконец, Морсакову удалось решить проблему через своего друга, который решил открыть навигацию и послать своё судно вниз по реке за грузом. С места высадки оставалось до пункта назначения всего тридцать километров, но друг заверил, что за охотниками придёт другое судно и их доставит до места.

Судно не пришло. Охотники высадились на берегу в устье небольшой, впадающей в основную реку, речушки и стали ждать. Договорённость имелась, что их будет ждать судно, а судна не оказалось. После небольшого совещания они нагрузили на себя всё имущество и отправились пешком несколько километров до ближайшего телефона в деревне. Кое-как уда-

лось дозвониться до Василия, и они попросили его решить вопрос с транспортом, благо оставшаяся дорога, хоть и грунтовая, но выглядела вполне прилично.

Поклажа оказалась увесистой. Эти несколько километров напарники одолели, но достались они нелегко. Весеннее солнышко жарило так, что спина сразу взмокла, а напяленная на себя тёплая одежда, предназначенная для проживания в тундре, стала серьёзной помехой для передвижения, но без неё на Севере, куда они направлялись, никак нельзя. Там, куда они собирались добраться, могут быть и метели, и дождь, и сильнейший ветер, и даже мороз.

Василий после недолгих переговоров пообещал что-нибудь придумать. Он напоследок сказал, чтобы ждали на дороге.

Только сейчас охотники немного расслабились и решили передохнуть и перекусить, поскольку обеденное время уже наступило.

На дорогу выходили какие-то люди, проехали два мотоциклиста. Солнце начинало по-настоящему пригревать, отчего навалились вялость и усталость. Обед долгое время не занял. Чай греть охотники не стали, ограничившись сухим пайком, состоящим из одного яйца с солью, куска хлеба и луковицы на каждого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.